

Представительное правительство

I

Наблюдая развитие человеческих обществ, не считаясь с его второстепенными временными признаками, мы убеждаемся, что политический режим всегда является выразителем экономического.

Политическая организация не может быть преобразована по желанию законодателей; она, правда, меняет свои названия: предстает сегодня под видом монархии, завтра — республики, но не претерпевает при этом соответствующих изменений; она всегда подделывается под экономический режим и служит его выражением, освящением и оплотом.

Если политический режим страны в своей эволюции отстанет от совершающегося в ней экономического перерождения, то в решительный момент он подвергается внезапным изменениям и приспособляется к существующему экономическому строю.

Обратно: если, в случае революции, политический режим опередит экономическое состояние страны, он остается мертвой буквой, формулой, записанной в хартиях, без практического применения. Декларация Прав Человека, какова бы ни была её роль в истории, является теперь лишь историческим документом; слова *Liberté, Egalité, Fraternité* останутся красивой мечтой, вернее, ложью, пока свобода и равенство не станут основами экономического строя.

Всеобщая подача голосов не совместима с рабством, так же, как деспотизм не имеет места в обществе, основанном на так называемой свободе мировых сделок, вернее, свободе эксплуатации.

Рабочие классы Западной Европы поняли уже эту простую истину. Они знают, что человечество будет продолжать прозябать при современном политическом строе, пока существует капиталистический режим. Они знают, что все политические институты, не смотря на их красивые названия, основаны на господстве сильного, возведенном в систему, на разврате, на подавлении всякой свободы, всякого прогресса и что изменить все это можно только установлением экономических отношений, основанных на принципе коллективной собственности. Они знают, что глубокая и плодотворная политическая революция немыслима без экономической.

Обратно, при связи, существующей между политическим и экономическим режимом, переворот в способах производства и распределения продуктов не может произойти без политической революции.

Уничтожение частной собственности и эксплуатации, установление коллективистического или коммунистического режима неосуществимы при наших парламентах и королях.

Новый экономический режим требует нового политического; эта истина проникла в сознание масс: народная мысль стремится разрешить одновременно оба эти вопроса. Она работает над созданием лучшего экономического и политического будущего; рядом со словами „Коллективизм” и „Коммунизм” мы слышим слова: Рабочее Государство, Свободная Коммуна, Анархия, или: анархический Коммунизм, коллективистическая Коммуна.

„Вы хотите, чтобы ваша работа была плодотворна? Освободитесь прежде всего от тысячи предрассудков, которые вам внушили!” — Этими словами начинал свои лекции один знаменитый астроном: они приложимы ко всем отраслям знания; к социальным же наукам, более чем к естественным. С первых же шагов в этой области мы наталкиваемся на массу предрассудков, завещанных нам прошлыми веками, ложных идей, распространенных с целью обмануть народ, софизмов, тщательно выработанных — чтобы направить на ложный путь народную мысль.

Среди всех этих предрассудков наибольшего внимания заслуживает тот, который лежит в основе современных политических организаций и проявляется почти во всех социальных теориях. Этот предрассудок — вера в представительное правительство.

В конце прошлого века французский народ свергнул монархию и последний из королей искупил на эшафоте свои грехи и грехи своих предшественников.

Тогда же выяснилось, что все великое, хорошее, что дала революция, было делом отдельных лиц или групп, достигших своей цели, благодаря дезорганизации и слабости центрального правительства. Казалось, что именно в эту эпоху народ не должен был искать ига нового правительства, основанного на тех же принципах, как и только-что свергнутое.

Но, находясь под влиянием предрассудков и введенный в заблуждение кажущейся свободой и мнимым благосостоянием конституционных государств Америки и Англии, французский народ поспешил учредить у себя конституцию, — конституции, которые он преобразовывал без конца, не изменяя однако принципу представительного правительства. Монархия или республика, не все ли равно! Народ не свободен: он управляется представителями, более или менее удачно выбранными. Он провозглашает свою свободу, свои права, и сам же спешит отречься от них. Он избирает депутатов и поручает им разобраться в бесконечном разнообразии смешанных интересов и сложных человеческих отношений.

Во всех государствах континентальной Европы эволюция приняла тот же характер. Все они, одно за другим, свергают абсолютные монархии и вступают на путь парламентаризма. Даже деспотический Восток следует их примеру: Болгария, Турция, Сербия пытаются учредить у себя конституцию; Россия, и та стремится свергнуть иго камарильи, чтобы заменить его более сносным игом представительного собрания.

Ужаснее всего то, что Франция, открывая новые пути, не может освободиться от старых предрассудков. Народ, разочарованный в конституционной монархии, свергает ее, но на следующий же день он провозглашает новое правительство, основанное на старых началах — правительство, готовое предать народ в руки какого-нибудь злодея, который навлечет на прекрасные долины Франции нашествие неприятелей.

Через двадцать лет он повторяет ту же ошибку. Видя, что Париж покинут войсками и правительством, народ, предоставленный самому себе, не пытается установить той новой формы политической жизни, которая привела-бы к новому экономическому режиму. Заменяя слово Империя — Республикой, а это последнее — Коммуной, он и здесь прибегает к представительной системе. Он передает свои права выборному собранию и поручает ему создать ту новую форму человеческих отношений, которая дала-бы Коммуне силу и жизнь.

Конституции, разорванные в клочки, разлетаются подобно мертвым листьям, увлекаемым в реку осенним ветром! Освободиться от старых предрассудков не так легко; уничтожив шестнадцатую конституцию, народ создает семнадцатую.

Даже в теории мы встречаем то же поклонение представительному принципу. Многие реформаторы, рассматривая современное экономическое положение, требуют полного преобразования способов производства и обмена и уничтожения капиталистического режима. Но как только дело дойдет до их политического идеала, они не решаются коснуться представительной системы: в Рабочем Государстве, и даже в свободной Коммуне они стремятся сохранить представительное правительство.

К счастью, престиж этого принципа падает. Проследим за развитием представительного правительства. Мы имеем возможность это сделать. Оно функционировало и функционирует на открытой арене Западной Европы во всем разнообразии своих форм — от умеренной монархии до революционной коммуны. На него возлагали столько надежд, а оно явилось орудием интриг и личного обогащения, препятствием для развития народа и проявления его инициативы. Поклонение принципу представительства не имеет большего *raison d'être*, чем поклонение королевской власти. Теперь уже понимают, что недостатки представительного правительства не являются продуктом социального неравенства; осуществленное в среде, в которой капитал и труд равномерно распределены между всеми, оно приведет к тем-же печальным последствиям. Не далек тот день, когда эта форма правления, возникшая, по удачному выражению Дж. Ст. Милля, из стремления защитить себя от когтей и клюва короля коршунов, уступит место политической организации, созданной насущными потребностями человечества и основанной на следующем принципе: настоящая свобода заключается в том, чтобы каждый сам устраивал свои дела, не предоставляя их на волю Провидения или выборного собрания.

Такое же заключение должен сделать всякий, кто поймет, что главные недостатки правительственной системы присущи ей, как таковой, а не зависят от формы и места её применения.

„Современные обычаи предохраняют нас от престижа королевской власти, — писал Огюстен Тьерри в 1828 году, — теперь мы должны опасаться авторитета легального порядка и представительного правительства”[9]. Бентам говорил приблизительно то же самое. Но в то время их предупреждения остались незамеченными. Вера в парламентаризм была сильна, и этим критикам возражали следующим аргументом: „парламентский режим не сказал еще своего последнего слова; о нем нельзя судить, пока в его основу не ляжет всеобщая подача голосов”.

С тех пор всеобщая подача голосов введена. Буржуазия, после долгих сопротивлений согласилась принять ее. В Соединенных Штатах всеобщая подача голосов функционирует уже около века в условиях полной свободы; во Франции и Германии она тоже проложила себе путь. Но представительный режим остался тем, чем был во времена Тьерри и Бентама; всеобщая подача голосов не изменила его; она только способствовала выяснению его недостатков. Вот почему теперь не только такие революционеры, как Прудон, восстают против этой системы; люди более умеренные, как Миль[10] и Спенсер[11] кричат: „остерегайтесь парламентаризма!” Можно, основываясь на общепризнанных фактах, написать целые томы о непригодности этой системы и найти сочувствие среди читателей. Представительное правительство было предано суду — и приговорено.

Его приверженцы постоянно указывают нам на заслуги этого режима. Мы обязаны ему, говорят они, нашей политической свободой, о которой не могло быть и речи при абсолютной монархии.

Но, в сущности говоря, не представительный режим нам дал и гарантировал свободу, которую мы завоевали вот уже больше века. Эту свободу, так же как и народное представительство вырвал у правительств могучий поток народной мысли, рожденный революцией; дух свободы и восстания сумел сохранить их, несмотря на постоянные посягательства правительств и парламентов. Представительное правительство добровольно не дает народу никаких прав и не пренебрегает деспотизмом. Права приходится у него вырывать и защищать с оружием в руках, как во времена неограниченной монархии. Да и это возможно лишь в странах, где состоятельный класс жаждет этих прав и готов их защищать противоправительственной агитацией. Там же, где этот класс молчит, политическая свобода не может существовать, будет-ли в стране народное представительство или нет. Палата в этих странах уподобляется прихожей королей. Примером тому служат парламенты Балканского полуострова, Австрии и Турции.

Приверженцы представительного правительства постоянно указывают на свободу и права английского народа и приписывают их парламенту. Они забывают, каким рядом мятежей и восстаний эти права были завоеваны. Свобода печати, свобода союзов, свобода собраний, — все это было вырвано у парламента под угрозой восстания.

Трэд-юнионами, стачками против парламентских постановлений и разгромом фабрик, английские рабочие завоевали себе право союзов и стачек. Избивая полицию балясниками решетки Hyde-Park'a, лондонский народ принудил конституционное министерство дать ему право манифестаций на улицах и в парках столицы. Не парламентскими дебатами, а противо-парламентской агитацией и угрозой поднять сотни тысяч бедняков, готовых

разгромить министерства и дворцы аристократов, английская буржуазия защищает свою свободу. Что касается парламента, то он все время посягает на политические права народа и упраздняет их одним росчерком пера, не хуже любого короля, когда ему грозит восстание масс. Куда девалась неприкосновенность жилищ и корреспонденции, как только буржуазия уступила эти права правительству, чтобы оно защищало ее от революционеров.

Приписывать парламентам то, что сделано человечеством, надеяться, что конституция может дать свободу — это грешить против исторической правды.

Дело не в том, каковы преимущества представительного режима перед правлением царедворцев, обращающих себе на пользу капризы неограниченного монарха. Если он утвердился в Европе, значит, именно этот режим соответствовал той фазе капиталистической эксплуатации, которую мы пережили в XIX веке. Он гарантировал безопасность промышленникам и коммерсантам, которым предоставил власть, вырванную из рук аристократии.

Но и монархия, не смотря на свои недостатки, имела некоторые преимущества перед правлением феодальных князей. Она в свое время тоже была необходима. Должны-ли мы были из-за этого оставаться навеки под гнетом королевской власти?

Нам, людям конца XIX века, надо выяснить, каковы недостатки представительного правительства, не является-ли оно в наше время тем препятствием для развития человечества каким была монархия в прошлом веке, и нельзя-ли преобразованиями приспособить его к той экономической фазе, наступление которой мы предчувствуем? Вот чем мы должны заняться вместо того, чтобы вести бесконечные споры об исторической роли политического режима буржуазии.

Ответить на этот вопрос не трудно.

Представительный режим — этот компромисс со старым режимом, сохранил правительству все атрибуты неограниченной власти и подчинил его действия фиктивному контролю народа. Теперь он отжил свой век и служит тормазом для прогресса человечества. Его недостатки не зависят от лиц, стоящих у власти, они присущи самой системе и так глубоко вкоренились в него, что никакое преобразование не приспособит его к требованиям нашего времени.

Представительный режим — это организованное господство буржуазии, исчезнет вместе с ней. Наступающая экономическая фаза требует новой политической организации, не имеющей ничего общего с представительством.

Представительному правительству присущи все недостатки правительства. Оно не только не умеет их сгладить, но даже создает новые. Знаменитые слова Руссо о правительстве вообще применимы к нему, как нельзя лучше. „Чтоб можно было передать свои права выборному собранию“, говорит он, „оно должно состоять из ангелов. Да и у них выростут рога и когти, как только они примутся за управление людьми — „этим стадом скотов!“

Представительное правительство, называется-ли оно Парламентом, Конвентом, Советом Коммуны или каким-нибудь другим нелепым именем, назначено-ли оно префектами Бонапарта или архи-свободно избрано населением восставшего города, — всегда стремится подобно деспотам расширить свои права, вмешиваясь во все проявления жизни, заменяя законами свободную инициативу отдельных лиц и групп. Оно забирает в свои когти человека с самого детства и ведет его до могилы от закона к закону, от угрозы к наказанию, никогда не выпуская его из под своей опеки. Приходилось-ли вам слышать, чтобы выборное правительство объявило себя некомпетентным по какому-либо вопросу?

Подчинять своим законам все проявления человеческой деятельности, вникать в мельчайшие подробности жизни „своих подданных” — вот цель государства и правительства. Правительство, будь оно конституционным или нет, стремится распространить свою власть, регламентировать все функции общества, не останавливаясь ни перед какими преградами, кроме агитации и восстания. Парламентское правительство, — оно уже доказало это, — не составляет исключения.

Государство, говорят нам, имеет целью защищать слабого от сильного, бедного от богатого, трудящиеся классы от классов привилегированных. Мы знаем, как правительства исполнили эту миссию: они поняли ее в обратном смысле. Верные своему происхождению, правительства, вообще, являются покровителями привилегированных против угнетенных. Представительное правительство, в частности, организовало защиту промышленной и коммерческой буржуазии от аристократии, с одной стороны, и эксплуатируемого народа с другой; изысканно вежливое и заискивающее перед аристократами, оно поражает своей жестокостью по отношению к пролетариям. Вот почему самый пустяшный закон, охраняющий труд, должен быть вырван у парламента путем упорных восстаний. Вспомните, ценой какой борьбы, каких усилий удалось добиться от английских парламента, швейцарского федеративного совета и французских палат, нескольких жалких законов об ограничении рабочего дня. Впервые они были получены в Англии; рабочим удалось завоевать их лишь путем разгрома фабрик.

В странах, где революция не лишила аристократии её значения, дворянство прекрасно уживается с буржуазией. — „Признай, аристократ, за мною право издавать законы, говорит буржуа, а я буду охранять твои дворцы”. И он честно исполняет свое обещание, пока ему не грозит опасность.

Потребовалось сорок лет непрерывных волнений, доходящих временами до восстаний и поджогов деревень, чтобы заставить английский парламент гарантировать фермерам тот излишек дохода, который получается с арендованной земли, благодаря произведенным ими улучшениям. А знаменитый „аграрный закон”, вотированный для Ирландии? После какой тяжелой борьбы он достался народу! Страна должна была восстать, отказаться наотрез от взноса арендной платы и защищать свое имущество бойкотом и поджогами. Сам Гладстон признает, что это был единственный способ принудить буржуазию вотировать этот жалкий закон, который только с виду защищает голодную страну от притеснений лордов.

Но когда капиталистам угрожает хоть малейшая опасность со стороны восставшего народа, тогда представительное правительство, этот орган господства капитала, сумеет показать

свою силу. Оно избивает восставших с таким спокойствием, с такой жестокостью и подлостью, на которые не способен ни один деспот. Закон против социалистов в Германии не уступает нантскому эдикту; ни Екатерина II после Пугачевского бунта, ни Людовик XVI после мучной войны (*guerre des farines*), не проявляли той жестокости, с которой национальные собрания 1848 и 1871 года обрушились на беззащитную толпу. „Убивайте этих волков, волчиц и волчат!“ — кричали члены этих собраний и поздравляли, опьяненных кровью, солдат с их блестящей победой.

Безымянный зверь о 600 головах превзошел Людовика XI и Иоанна Грозного.

Положение дел не изменится, пока будет существовать представительное правительство, будет-ли оно регулярно избираться народом или само провозгласить себя при первых искрах восстания.

Может быть, настанет экономическое равенство, и тогда равноправные и свободные граждане не передадут своих прав в руки избранных, — они создадут новую политическую организацию и сами будут вести свои дела.

Или опять меньшинство, какое-нибудь четвертое сословие, состоящее из привилегированных буржуа, захватит в свои руки экономическое господство над массами и тогда — горе угнетенным! Представительное правительство, избранное этим меньшинством, будет действовать в его интересах. Оно издаст законы, охраняющие привилегии этой новой буржуазии, и силой оружия подчинит себе непокорных.

Немыслимо здесь разобрать все недостатки представительного правительства. Для этого надо было бы написать целые томы. Ограничимся рассмотрением только самых существенных недостатков. Один из них заслуживает особенного внимания.

Удивительное дело! Представительное правительство имело целью положить конец единоличному правлению; оно должно было передать власть в руки целого класса, а между тем мы видим, что оно стремится подчиниться одному лицу.

Причина этой аномалии ясна. В наше время правительство вооружено тысячами и тысячами полномочий; ему вручены все дела страны и дан бюджет в несколько миллиардов. Может-ли беспорядочное парламентское собрание взять на себя ведение всех этих неисчислимых дел? Пришлось назначить исполнительную власть, — министерство, — которое облечено всеми атрибутами королевской власти. Как ничтожна, в самом деле, власть Людовика XIV, дерзнувшему сказать: — „государство — это я“, — по сравнению с властью конституционного министерства наших дней!

Палата может, конечно, заменить одно министерство другим; но новое будет облечено теми же полномочиями и иметь те же недостатки, что и старое; если бы палата была последовательна, оно не просуществовало бы более недели. Вот почему она мирится с существующим министерством, пока страна не высказывает своего протеста; тогда она заменяет его тем, которое было у власти два года тому назад. Гладстон — Биконсфильд, Биконсфильд — Гладстон, это не меняет сущности дела; страна управляется одним человеком.

Но если палата нападет на ловкого министра, который гарантирует стране „порядок”, т. е. эксплуатацию внутри государства и сбыт на внешних рынках, — тогда она подчиняется всем его капризам и вооружает его все новыми и новыми полномочиями. С каким бы презрением он ни относился к конституции, каково бы ни было его правление, палата мирится со всем; преследуя его в мелочах, она дает ему полную свободу действий во всех важных случаях. Примером тому служат Бисмарк для нас, Питт, Гизо и Пальмерстон для прошлых поколений.

Это вполне понятно: всякое правительство стремится стать единоличным; таковы его происхождение и сущность. Избран-ли парламент путем всеобщей подачи голосов или нет, будет-ли он состоять исключительно из рабочих, — он одинаково будет стремиться подчиниться одному лицу и передать ему все заботы о правлении. Пока мы будем поручать решение всех вопросов экономических, политических, военных, финансовых, промышленных и т. д. небольшой группе, она, подобно отряду солдат во время похода, будет стремиться найти себе начальника.

Таково положение дел во время затишья. Но, пусть на границе появится неприятель, пусть внутри страны вспыхнет гражданская война — и тогда первый попавшийся властолюбец, какой-нибудь авантюрист, захватит в свои руки управление государственной машиной. Правительство не посмеет препятствовать ему, напротив, оно будет парализовать сопротивление народа. Оба авантюриста, носящие имя Бонапарта, не были случайным явлением, они неизбежное последствие концентрации власти. Относительно того, насколько парламенты способны сопротивляться государственным переворотам, Франция может нам рассказать много интересного. Разве палата спасла Францию от *Coop d'Etat* Мак-Магона? Ее спасли противопарламентские комитеты. Нам опять приведут в пример Англию. Но пусть она не хвастает, что её парламентские постановления остались неизменными в течение XIX века. Она сумела за это время избежать классовой борьбы, но все предвещает её приближение и не трудно предсказать, что парламент не выйдет целым из этой борьбы: его гибель неизбежна.

Если мы хотим во время будущей революции открыть двери реакции, может быть даже монархии, достаточно передать наши дела представительному правительству. Реакционная диктатура не заставит себя ждать; имея в своем распоряжении все орудия власти, она не замедлит утвердить свое господство.

Но не способствует-ли представительное правительство, этот источник стольких несчастий, мирному и прогрессивному развитию общества? Содействует-ли оно децентрализации власти, препятствует-ли возникновению войн? Способно-ли оно понять потребности времени и пожертвовать устарелыми институтами, чтобы избежать гражданской войны? Обеспечивает-ли оно прогресс внутри страны?

Какой горькой иронией дышат эти вопросы! История нашего времени убеждает нас, что представительное правительство не идет навстречу ни одной из этих потребностей.

Парламенты, верные традициям королевской власти и её видоизменению — якобинству, сконцентрировали власть в руках правительства. Крайний бюрократизм — характеристика представительного правительства. С начала века идут разговоры о децентрализации,

автономии, а правительство усиливает централизацию, уничтожает всякие признаки автономии. Швейцария уже подверглась этому влиянию, Англия готова ему подчиниться. Если бы не сопротивление промышленников и коммерсантов, мы теперь испрашивали бы у Парижа разрешения зарезать быка в отдаленной деревне Франции. Правительство понемногу подчиняет своей власти все проявления государственной жизни; ему не удастся только захватить в свои руки ведение промышленности, торговли, производства и потребления. Но социал-демократы, ослепленные правительственными предрассудками, мечтают о дне, когда они будут в берлинском парламенте заведывать организацией производства и потребления для всей Германии.

Спасает-ли нас это, якобы миролюбивое, правительство от разрушительных войн? Конечно, нет! Никогда не истребляли друг друга с такой яростью, как при представительном режиме. Буржуазия ищет преобладания на рынках, а его можно завоевать лишь гранатами и картечью. Адвокаты и журналисты жаждут военной славы и с этой целью изощряются в красноречии, ведут дипломатические споры, которые большею частью кончаются кровопролитием.

Идет-ли парламент навстречу требованиям времени? Упраздняет-ли он институты, пришедшие в упадок? Как у членов Конвента приходилось с оружием в руках вырывать признание уже свершившихся фактов, так теперь только упорным восстанием можно добиться от „представителей народа“ малейшей реформы.

Что касается усовершенствований самого представительного режима, то никакого обновления не вдохнет в него жизнь. Он пришел в упадок и теперь близок к смерти. Во времена Людовика-Филиппа уже говорили о разложении парламента. Теперь, это смрадное болото вызывает отвращение у всех близко стоящих к нему.

Но, может быть, новый элемент, элемент рабочих, вольет в него струю свежей крови. Приглядимся к представительным собраниям, проследим за их деятельностью и мы поймем, что мечтать об их обновлении так же наивно, как сочетать браком короля с крестьянкой в надежде получить новое здоровое поколение молодых королей!

III

Недостатки представительных собраний покажутся нам вполне естественными, если мы вспомним, как набираются их члены и приглядимся к их деятельности. Не стану воспроизводить ужасной и омерзительной картины выборов. В буржуазной Англии и демократической Швейцарии, во Франции и Соединенных Штатах, в Германии и Аргентинской республике — везде повторяется одна и та же гнусная комедия. Не стану рассказывать, как агенты и избирательные комитеты проводят своих кандидатов, как они раздают направо и налево обещания: в собраниях сулят политическая реформы, частным лицам — места и деньги; как они проникают в семьи избирателей и там льстят матери, хвалят ребенка, ласкают собачку страдающую астмой, или любимого котенка. Как они рассыпаются по ресторанам, заводят между собой вымышленные споры, завязывают с избирателями разговоры, стараясь поймать их на слове, подобно шулерам, стремящимся

завлечь вас в азартную игру. Как после всех этих махинаций кандидат заставляет себя просить и наконец появляется среди „дорогих избирателей” с благосклонной улыбкой на губах, со скромным взором и вкрадчивым голосом, — совсем как старая мегера, старающаяся поймать жильца ласковой улыбкой и ангельскими взглядами.

Не стану перечислять лживых программ — одинаково лживых, — будь они оппортунистическими или социал-революционными, программ, которым не верит ни один из кандидатов, защищающих их с жаром, с дрожью в голосе, с пафосом, достойным сумасшедшего или ярмарочного актера. Не даром народ в своих комедиях стал теперь изображать на ряду с мошенниками, Тартюфами и банковскими плутами — народных представителей, бегающих за избирателями и выманивающих у них голоса.

Не стану приводить здесь сметы расходов по выборам; газеты нас достаточно хорошо знакомят с этим вопросом. Не стану воспроизводить списков расходов избирательных агентов, в которые занесены телячьи окорока, фланелевые жилеты и разные сладости, купленные кандидатом для „дорогих детей” избирателей. Не стану упоминать о расходах на моченые яблоки и тухлые яйца, предназначенные „для смущения противника”, которые отягощают бюджет Соединенных Штатов, также как и о расходах на разные объявления и „маневры в последний час перед выборами”, которые играют такую видную роль при выборах во всех государствах Европы.

А когда выступает правительство с своими „местами”, сотней тысяч „мест”, предлагаемых тому, кто больше за них заплатит, с своими орденами, с своей протекцией, обещанной в местах азартной игры и разврата, с своей постыдной прессой, с своими шпионами, с мошенниками, судьями и агентами...

Но довольно, оставим эту грязь! Есть ли хоть одна страсть, самая низкая, самая гнусная, которая не появилась бы на сцену в день выборов? Обман, клевета, лицемерие, ложь, самые низкия проявления человека-зверя — вот картина страны во время выборов.

Таково положение дел, и оно не изменится, пока люди будут назначать себе начальников и терпеть их господство. Создайте общество из свободных и вполне равноправных рабочих, и в тот день, когда они захотят избрать себе правителей — у них повторится та же гнусная история. Может быть не будут больше подносить телячьих окороков, но ложь и лесть останутся в силе и моченые яблоки не будут забыты. Да и можно ли ждать чего-либо хорошего, когда люди торгуют своими самыми священными правами.

В самом деле, мы поручаем избирателям найти человека, которому можно было бы передать право подчинять законам все проявления нашей жизни, распоряжаться всем, что у нас есть самого дорогого: нашими детьми, трудом и правами. Найти человека, который вместе с другими избранными, губил бы наших детей, запирали их на три, а если ему вздумается на десять лет, в казармы и посылал бы на верную смерть, когда ему захочется вести войну. Человека, который мог бы по своему желанию открывать и закрывать университеты, принимать и исключать студентов. Этот новый Людовик XIV будет по своему усмотрению покровительствовать одной отрасли промышленности, убивать другую; жертвовать севером для юга, югом для севера; уступать одну провинцию, присоединять другую. Он будет

располагать в год тремя миллиардами, отнятыми у бедняков. У него будет царское право назначать исполнительную власть, которая своим деспотизмом и тиранией не уступит королевской. Людовик XVI имел в распоряжении десятки тысяч чиновников, а он — сотни тысяч; король употреблял на удовлетворение своих прихотей несколько жалких мешков золота, а конституционный министр нашего времени искусственным повышением бумаг на бирже в один день „честно“ наживает миллионы.

Неудивительно, что страсти разгораются, когда дело идет о выборе повелителя, облеченного такою властью. Когда испанский престол был объявлен свободным, удивлялся ли кто-нибудь, что флибустьеры сбегались со всех сторон? Пока будут торговать царскими правами, ничто не может быть изменено: выборы останутся ярмаркой тщеславия и совести.

Если бы даже уменьшили права депутатов и обратили бы каждую общину в маленькое государство, то положение дел не изменилось бы.

Мы не отрицаем окончательно права передачи своей власти выборным делегатам. Сто — двести человек, встречающиеся ежедневно на общей работе и хорошо знающие друг друга, обсудили со всех сторон какой-нибудь вопрос и пришли к вполне определенному заключению; тогда они выбирают кого-нибудь из своей среды и посылают его для переговоров по этому делу с другими делегатами. Таким образом выборы происходят вполне сознательно; каждый имеет ясное представление о том, что он может поручить своему делегату. Да и этот последний должен будет только передавать другим делегатам те соображения, которые привели его доверителей к данному заключению. Не будучи уполномоченным решить дела своею властью, он будет стремиться придти к какому-нибудь соглашению с другими делегатами; их предложения он передаст своим доверителям, которые по своему усмотрению могут принять их или нет. Таково происхождение делегаций; когда одни коммуны посылали своих делегатов в другия, у них не было иных полномочий. Так же поступают в наши дни метеорологи и статистики, когда они устраивают международные конгрессы; к тому же прибегают делегаты железнодорожных компаний и почтовых администраций различных государств.

Но, что требуется теперь от избирателей?

— Десять, двадцать тысяч человек, которые не знают друг друга, никогда не встречались, не имели общего дела, должны выбрать одного представителя. Ему они поручат не изложение определенного дела или защиту данной резолюции: он должен будет знать все, решать всевозможные вопросы, и его решение будет законом.

Такого всеведущего человека не найти. Но вот способный, здравомыслящий, честный гражданин, получивший некоторое образование. Будет ли он избран? Конечно, нет! Едва двадцать человек, товарищей по училищу, знают его и ценят его способности. Он никогда не прибегал к рекламе, презирает все приемы легкого успеха, не стремится стать популярным среди избирателей. При таких условиях он не получит больше 200 голосов; да кандидатура его и не будет выставлена. В число депутатов попадет какой-нибудь адвокат или журналист, красноречивый или писака, которые перенесут в парламент нравы трибуны и газеты и будут увеличивать избирательное стадо министерства или оппозиции. Может быть,

проскочит какой-нибудь негодяй, жаждущий получить звание депутата, готовый издержать хоть 10,000 франков, чтоб приобрести некоторую известность. А там, где нравы по преимуществу демократические, как, напр., в Соединенных Штатах, где комитеты легко учреждаются и до некоторой степени ослабляют влияние капитала, там в депутаты избирают худшего из всех: это будет человек, занимающийся политикой по профессии, гнусное существо, ставшее язвой великой республики, шарлатан, который смотрит на политику, как на промышленность, и применяет к ней все ухищрения крупной промышленности, — рекламу, обман и разврат.

Изменяйте избирательную систему сколько вам угодно: замените баллотировку по округам баллотировкой по избирательным спискам, введите двухстепенные выборы, как в Швейцарии (я говорю о подготовительных собраниях), применяйте ваши системы в наиболее благоприятных условиях, преобразовывайте сколько угодно избирательные коллегии, — избавиться от недостатков, присущих избирательной системе, как таковой, вам не удастся. Наибольшее число голосов (за редкими исключениями, большею частью, в партиях преследуемых правительством) получит человек, ничтожный, без определенных убеждений, словом тот, который сумеет удовлетворить всех.

Вот почему, — как это давно уже заметил Спенсер, — парламенты стоят на таком низком уровне. Палата, говорит он в своем введении, всегда ниже среднего уровня страны, как в нравственном, так и в умственном отношении. Если бы страна поклялась выбрать своими представителями круглых невежд, она не сумела бы сделать этого лучше, чем при теперешних выборах. Что касается честности депутатов, мы знаем, какова ей цена. Прочтите только, что говорят о ней экс-министры, которые успели узнать депутатов и их оценить.

Как жаль, что нет специальных поездов для избирателей, чтоб они могли приехать полюбоваться своей „палатой“.

Они скоро почувствовали бы к ней полное отвращение. Древние народы напивали рабов пьяными, чтоб вселить в детей отвращение к пьянству. Парижане, подите в палату, послушайте ваших представителей, и вы навсегда откажетесь от представительного правительства.

И этому-то сброду ничтожностей народ передает все свои права, за исключением права заменять от времени до времени одних депутатов другими. Но новое собрание, составленное по старой системе, облеченное той же властью, будет иметь те же недостатки, как и предыдущее; вот почему большая часть избирателей перестала интересоваться этой комедией и ограничивается лишь незначительными изменениями, принимая тех кандидатов, которые наиболее настойчиво навязываются.

Но если выборы заражены неисправимыми пороками, то что же сказать о том, как собрание выполняет возложенные на него обязанности. Вдумайтесь на мгновение, и вы поймете всю бесплодность и нелепость задачи, которую мы предлагаем этому собранию.

Ваш представитель должен будет подавать голос и иметь определенное мнение относительно всего ряда бесконечно-разнообразных вопросов, которые возникают в этой огромной машине, именуемой централизованным государством.

Он должен будет устанавливать налоги на собак и утверждать реформы по высшему образованию, когда ноги его не было в университете, и он никогда не видел деревенских собак. Он должен будет защищать преимущества одной системы ружей перед другими, выбирать место для помещения управления государственного коннозаводства, высказывать свое мнение относительно филлоксеры, гуано, табаку, начального обучения и оздоровления городов, говорить о Кохинхине и Гвиане, о парижской обсерватории и устройстве каминов. Не имея понятия о военном искусстве, он будет размещать военные корпуса; не зная жизни арабов, он должен будет преобразовывать мусульманский земельный кодекс в Алжире. Он будет подавать голос за кивер или кепи, сообразуясь с вкусами своей супруги. Он будет покровительствовать сахарному производству, в ущерб возделыванию пшеницы, убивать виноделие, стремясь способствовать его развитию, подавать голос за лесоводство, и в то же время покровительством полеводству убивать лесное дело. Он выскажется против прорытия данного канала, за проведение такой-то железной дороги, не зная даже, в какой части Франции они проектируются. Он введет новые статьи в уложение о наказаниях, не заглянув даже в него. Всеведущий и всемогущий, сегодня военный, завтра скотовод, потом банкир, академик, доктор, астроном, аптекарь, фабрикант, купец, в зависимости от порядка дня в палате, он никогда ни в чем не будет сомневаться. Привыкший, как адвокат, журналист и оратор публичных собраний, говорить о том, чего он не знает, он будет смело решать все дела, с той только разницей, что своей газетой он забавлял праздную публику, на суде пробуждал речами дремлющих судей и присяжных заседателей, а в палате его мнение будет законом для тридцати, сорока миллионов жителей.

Но так как немисливо понимать и иметь определенное мнение относительно всех вопросов, предложенных палате на решение, он будет проводить время за выпивкой, сплетничать с соседями и писать письма, чтоб разжечь энтузиазм своих „дорогих избирателей“, в то время, как министр будет читать начиненный цифрами доклад, написанный к этому дню его секретарем. В момент же голосования, ваш представитель выскажется за или против доклада, в зависимости от знака, поданного главарем его партии.

Возникнет ли вопрос о прокормлении свиней или экипировки солдат — это послужит только поводом для парламентской стычки между партиями министерской и оппозиционной. Вашим представителям совершенно безразлично нуждаются ли свиньи в корме, не нагружены ли солдаты подобно вьючным животным; они интересуются только тем, чтоб своим голосом обеспечить больший успех своей партии. Одержит ли верх министерство или оппозиция, это парламентское сражение одинаково ляжет тяжелым бременем на солдата, земледельца и рабочего.

Бедный Прудон, я себе представляю его разочарование: с детской наивностью изучал он все вопросы, входящие в порядок дня, выступал перед собранием с широкими планами, рядом точных данных и цифр, с смелыми и глубокими идеями, — а его даже не слушали. Вопросы окончательно решаются до заседания, причем руководствуются следующим простым соображением: выгодно ли это или нет для данной партии? Опрос голосов произведен

заранее; те, которые готовы подчиниться требованиям данной партии, зарегистрированы; противящиеся же им тщательно опрошены и сосчитаны.

Речи произносятся лишь для вида: их слушают только, если они художественны или могут вызвать скандал.

Все думают, что Руместан своим красноречием склонил палату к данному решению, а Руместан после заседания обсуждает с друзьями, как повыгоднее разделаться с обещаниями, которые он щедро раздавал, чтоб провести свое предложение. Его красноречие — это кантата, составленная для данного случая, спетая для завоевания популярности, для забавы публики.

„Провести свое предложение!“ Но кто будет его обсуждать и своим голосом колебать парламентские весы? Кто будет составлять и проваливать министерства, даровать стране политику реакции или внешних авантюр, выбирать между министерством и оппозицией?

Те, которых так метко прозвали „болотными жабами“! Те, у которых нет никаких убеждений, которые всегда садятся между двух стульев и виляют между двумя основными партиями палаты.

Именно эта группа людей, человек пятьдесят ничтожных и безвольных, лавирующих между либералами и консерваторами, подкупленных обещаниями, местами, лестью и паникой, — и решает все дела страны. Она издает законы, составляет министерства и изменяет направление политики. — Страна управляется группой в пятьдесят человек, самых ничтожных и жалких; — вот к чему сводится парламентский режим.

И это неизбежно, каков бы ни был состав парламента. Сколько бы в нем ни было звезд первой величины и честных людей — последнее слово будет принадлежать „болотным жабам“. Ничто не может быть изменено, пока будет в силе принцип подчинения меньшинства большинству.

Указав вкратце основные недостатки представительных собраний, мы должны были бы перейти к рассмотрению их деятельности. Нам бы следовало показать, что все они, от Конвента до Совета Коммуны 1871 года, от английского парламента до сербской скупщины, заражены одними и теми же пороками, что вся их деятельность — по выражению Бокля — ограничивается заменой старых законов новыми, завоеванными народом путем восстаний и ценою крови. Но это отвлекло бы нас в сторону.

Впрочем, те, в ком предрассудки, внушенные нашим порочным воспитанием, не убили окончательно здравого смысла, найдут в истории современного представительного правительства достаточно примеров для подтверждения нашей мысли. Они поймут, что будет ли представительное собрание состоять из рабочих или буржуа, войдут ли в него даже социалисты-революционеры, — оно сохранит все недостатки представительного собрания, так как эти недостатки зависят не от состава данного собрания, а присущи самой системе.

Рабочее Государство, управляемое выборным собранием, одно из самых зловредных мечтаний, внушенных нам воспитанием, признающим власть и авторитет.

Хороший парламент также неосуществим, как желание видеть в Риензи и Александре III хороших царей. Будущее социализма пойдет по иному пути: оно откроет человечеству новые горизонты для усовершенствования политического строя.

IV

Сделаем беглый обзор истории представительного режима, вспомним, каково его происхождение, проследим каким образом он извращался по мере развития государства, и мы поймем, что время его прошло, и он должен уступить место новому способу политической организации.

Перенесемся в XII век и рассмотрим эпоху освобождения коммун.

В недрах феодального общества зарождается освободительное движение. Города свергают иго своих господ; их жители „клянутся” друг другу в взаимной поддержке, стремятся к независимости, организуются и объединяются для производства и обмена, промышленности и торговли. Они создают города, которые потом три, четыре века служили убежищем свободному труду, искусству, науке, освободительным идеям, и положили начало той цивилизации, которой мы гордимся еще в наши дни.

Одни ученые утверждают, что коммуны романского происхождения, другие — что германского; между тем, они являются естественным продуктом средних веков, плодом все растущего значения городов, как торговых и промышленных центров. Так, мы видим, что почти одновременно, в Италии, во Фландрии, в Галлии, в Скандинавии и даже среди славян, где романское влияние сводилось к нулю, а германское было совсем ничтожно, в XI и XII веке возникают свободные и независимые города. В течение трех веков они ведут самостоятельную жизнь, а потом становятся составными элементами современных государств.

Союзы буржуазии вооружаются для своей защиты и организуются вполне независимо от власти светской, духовной и даже королевской. Свободные города процветают и, не смотря на свое стремление к господству над деревнями, заражают крестьян духом свободы. *Nus sumes homes cum il sunt.* — „Мы такие же люди, как они”, поют крестьяне, — и верными шагами идут к уничтожению рабства.

Свободные города, эти „приюты, открытые для трудовой жизни”, по своему внутреннему устройству уподобляются лигам независимых корпораций. У каждой корпорации своя юрисдикция, администрация и милиция. Каждый житель решает самостоятельно все вопросы, касающиеся не только его ремесла или торговли, но и всех тех отраслей общественной жизни, которые позже вошли в ведение государства: обучение, санитарные меры, уголовные и гражданские дела, военная защита страны. Эти корпорации, как органы политические, промышленные и торговые, объединяются при помощи форума, народ

сзывается набатом и обсуждает дела, касающиеся всего города; он разрешает споры между отдельными корпорациями и устанавливает соглашения относительно общих крупных предприятий.

В коммуне средних веков мы не замечаем еще признаков представительного правительства. Вся корпорация, весь город, в полном составе, принимают участие в решении общих дел; принцип большинства не признается, вопросы обсуждаются до тех пор, пока сторонники различных мнений не придут к общему соглашению.

Но возможно ли такое соглашение? — Ответом служат нам произведения искусства, которыми мы восторгаемся и до сих пор, тщетно пытаюсь им подражать. Все памятники, завещанные нам концом средних веков, принадлежат этим городам. Соборы, эти величественные сооружения, говорящая вам своими точенными камнями об истории и стремлениях коммун, построены свободными корпорациями, которые работали из благочестия, любви к искусству и привязанности к своему городу; они соперничали между собой в украшении этих городов, строили роскошные ратуши и воздвигали величественные укрепления.

Освобожденным коммунанам обязаны мы возрождением искусства. Корпорациям купцов, чаще всем жителям города, принимавшим участие в снаряжении каравана или флота обязаны мы развитию торговли, которое привело к Ганзейским союзам и морским открытиям. Корпорациям промышленников, так глупо осмеянным невежеством и эгоизмом производителей, обязаны мы возникновению крупной промышленности, которая приносит нам теперь большие барыши.

Но Коммуна средних веков должна была погибнуть: ее подтачивали одновременно внутренние и внешние враги.

Торговля, войны, эгоистическое господство над деревнями, способствовали усилению неравенства между членами Коммуны, обогащая одних и разоряя других. В течение некоторого времени, корпорация препятствовала развитию пролетариата в городах, но вскоре она погибла в неравной борьбе.

Торговля, поддерживаемая грабежом, и непрерывные войны обогащали одних и разоряли других. Нарождающаяся буржуазия сеяла раздор и способствовала усилению имущественного неравенства. Население городов разделялось на богатых и бедных, „белых” и „черных”; зародилась классовая борьба, и с нею выступило на сцену Государство. По мере того, как бедняки разорялись, поработанные богачами путем ростовщичества и муниципального представительства, в Коммуне утверждалось выборное правительство, т. е. правительство богачей. Коммуна преобразовалась в представительное государство с его муниципальной кассой, наемной милицией, вооруженными кондотьерами, государственной службой и чиновниками. Как маленькое государство, она естественно должна была стать добычей большого государства, которое уже зарождалось под покровительством королевской власти. Подточенная изнутри, Коммуна пала под натиском внешнего врага — короля.

Централизованное государство зародилось еще в период процветания свободных городов.

Оно развивалось вдали от шума форума, вдали от стремлений, вдохновлявших независимые города. Нарождающаяся королевская власть могла утвердиться лишь в новом городе, в Париже, в Москве. Чем был король до тех пор? Начальником шайки разбойников, который взимал дань со всех желающих купить у него мир и спокойствие. Что мог сделать такой король, запертый в стенах свободного и независимого города? Если он пытался из защитника укреплений стать хозяином города, форум его немедленно изгонял. Тогда он находил себе приют в нарождающейся аггломерации, в новом городе. Там, пользуясь трудом рабов, он накапливал значительные богатства. Не встречая препятствий со стороны народа, он, путем денег, обмана, интриг и оружия, способствовал развитию централизации. Верными его союзниками были непрерывные войны и нашествия, которые толкали все европейские народы на тот же путь.

Коммуны, пришедшие уже в упадок и ставшие сами государствами, послужили ему исходным пунктом и образцом. Надо было соединить эти Коммуны, захватить в свои руки все их исполнительные органы и воспользоваться ими, как орудием для развития королевской власти. Так и поступали короли; очень осторожные вначале, они становились все грубее и бесцеремоннее по мере того, как росли их силы.

Писанные законы зародились в хартиях Коммун. Они послужили основой для Государства. Позже, римское право санкционировало как государство, так и королевскую власть. Теория императорской власти, взятая из римских учебников, усердно пропагандировалась в интересах короля. Церковь, в свою очередь, поспешила благословить ее и, после тщетной попытки учредить всемирную Империю, заключила союз с королем, при помощи которого она надеялась захватить в свои руки власть над всей землей.

В течение пяти столетий королевская власть всеми силами способствовала процессу аггломерации: она восстанавливала Коммуны и рабов против сеньоров, а потом подавляла восстания при помощи тех же сеньоров, ставших её верными служителями. Королевская власть льстила Коммунам и в то же время ждала, чтоб междуусобные войны открыли ей их двери, предоставили кассы и уступили укрепления, куда она поставит своих наемников. Признавая за Коммунами некоторые привилегии, королевская власть все же стремилась их поработить.

Король в то время был исключительно начальником своих солдат, которые повиновались ему до тех пор, пока он мог предоставить им добычу. При нем всегда состоял совет из его помощников. В XIV или IV веке совет этот превратился в Совет Дворянства. Позже к нему присоединился Совет Духовенства. Когда король распространил свою власть на Коммуны, он стал призывать ко двору — главным образом в критические эпохи — представителей от „своих дорогих городов”, чтобы просить у них субсидии.

Таково происхождение парламентов. Но, заметьте это, права этих представительных органов, также как и королевская власть, были очень ограничены. К ним обращались только за денежной помощью для войны, да и эта помощь, вотируемая делегатами, должна была быть ратификована городом. Во внутреннее управление Коммун король не вмешивался. —

„Такой-то город готов дать такую то субсидию, чтоб предотвратить нашествие. Он согласен принять ваш гарнизон для укрепления стен и отражения врага”, — вот какие мандаты давались в то время представителям. Сравните это с теми неограниченными полномочиями, охватывающими все вопросы жизни, которые мы даем теперь нашим депутатам!

Но ошибка была допущена, и последствия её стали неизбежны. Королевская власть, развившаяся благодаря борьбе между бедными и богатыми, утвердилась под знаменем национальной защиты. Представители Коммун, видя, как королевский двор безрассудно расточает их субсидии, решили положить этому конец. Они попытались ограничить королевскую власть и взять в свои руки управление национальной кассой. В Англии им это удалось, благодаря поддержке аристократии. Во Франции, после разгрома Пуатье, они были близки к завоеванию этих прав; но Париж, восставший под влиянием Этьена Марселя, и Жакерия должны были уступить натиску королевской власти, которая почерпнула в этой победе новые силы.

С тех пор все способствует централизации власти в руках короля. Субсидии обращаются в налоги, и буржуазия спешит предоставить к услугам короля свои администраторские способности. Упадок коммун, подчиняющихся одна за другой власти короля; бессилие крестьян, доведенных до рабства, — если не личного, то экономического; теория римского права, извлеченная из архивов юристами, непрерывные войны, — все способствует утверждению королевской власти. Короли начинают вмешиваться во все проявления жизни своих подданных, и дело доходит до того, что Людовик XIV решает сказать: „Государство — это я!”

После того короли подчиняются влиянию своих куртизанок, и их авторитет сильно падает; Людовик XVI в начале своего царствования стремится поднять его либеральными мерами, но скоро он падает жертвой своих проступков.

Великая Революция стала возможной только благодаря дезорганизации центральной власти, проявлявшей в течение четырех лет полное свое бессилие и сведенной на роль машины, записывающей факты, уже совершившиеся. Восстание городов и деревень, отказавшихся повиноваться и платить налоги, окончательно вырвало власть из рук правительства.

Буржуазия не могла примириться с таким положением вещей.

Она прекрасно знала, что народ, уничтожив привилегии аристократии, не захочет признать привилегий городской и деревенской буржуазии. Она решила взять в свои руки власть над ним, и это ей удалось. С этой целью она стала апостолом представительного правительства и в продолжении четырех лет с присущими ей организаторскими способностями и энергией работала над проведением в жизнь этой идеи. Её идеал совпадал с идеалом Этьена Марселя; он состоял в том, чтоб король, облеченный в теории неограниченной властью, на деле был лишен всякой власти парламентом, состоящим конечно, из представителей буржуазии. Всемогущество буржуазии, осуществленное парламентом, под прикрытием королевской власти, — вот её цель. Народ заставил буржуазию принять республику, но она была против неё и поспешила положить ей конец.

Уничтожение центрального правительства, децентрализация и раздробление власти предоставили бы народу решение всех дел страны и привели бы к настоящей народной революции. Вот почему буржуазия стремилась усилить центральное правительство, облечь его властью, о которой король и не смел мечтать, подчинить ему всю Францию, — и потом захватить все в свои руки при помощи Национального Собрания.

Этот идеал якобинцев остался до сих пор идеалом всей буржуазии, представительное же правительство служит ей орудием для борьбы.

Но может ли этот идеал быть нашим идеалом? Могут ли социалисты мечтать о новой буржуазной революции? Могут ли они стремиться усилить центральное правительство, предоставляя ему экономическое господство; передадут ли они управление всеми делами, политическими, экономическими и социальными представительному правительству? Должен ли этот компромисс между королевской властью и буржуазией стать идеалом социалистов?

Конечно, нет!

Новой экономической фазе соответствует новая политическая фаза. Глубокий переворот, о котором мечтают социалисты, не совместим с политическими формами прошлого. Новое общество, основанное на полном равенстве всех условий, на коллективном владении орудиями труда, не сумеет приспособиться к представительному режиму, какими бы преобразованиями ни пытались оживить этот труп.

Представительный режим отжил свой век. Его исчезновение так же неизбежно, как некогда было неизбежно его возникновение. Этот режим — режим буржуазии. На нем основано её господство и он должен исчезнуть вместе с ней. Мы, стремящиеся к Социальной Революции, должны найти новый способ политической организации, который соответствовал бы новому способу экономической организации.

Способ этот уже намечен. Это переход от простого к сложному, это образование свободных групп, организующихся для удовлетворения многочисленных потребностей всех членов общества.

Современное общество идет уже по этому пути. Повсюду свободная группировка, свободная федерация стремятся вытеснить пассивную покорность. Насчитывают уже десятки миллионов свободных групп; новые возникают ежедневно — и скоро все отрасли человеческой деятельности будут в их руках. Наука, искусство, промышленность, торговля, даже защита территории, общественная безопасность и суды — все будет в их ведении. Свободные группы разрастаются, и в скором будущем в их руках будет все то, что прежде составляло прерогативы короля и парламента.

Будущее принадлежит свободной группировке заинтересованных лиц, а не правительственной централизации, — свободе, а не власти.

Но прежде чем наметить в общих чертах организацию, которая возникнет из свободной группировки, мы должны разрушить все политические предрассудки, живущие и до сих пор в нашем обществе. Этим мы и займемся в следующих главах.

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 23 апреля 2025 23:27:13

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 23 апреля 2025 23:28:24